

Балабанова Екатерина Александровна

магистр уголовного, гражданского и административного судопроизводства

Московский Университет "СИНЕРГИЯ"

РФ, г. Москва

Байбарин Андрей Андреевич

научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент

Московский Университет "СИНЕРГИЯ"

РФ, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Категория публичного интереса занимает центральное место в правовой системе, выступая идеологическим и нормативным обоснованием ограничения частной автономии, деятельности государства и функционирования публичных институтов. Актуальность исследования обусловлена отсутствием законодательного определения публичного интереса, его многозначностью в доктрине и судебной практике, что порождает правовую неопределенность и риск произвольного применения данной категории в правотворчестве и правоприменении. В условиях современных социально-экономических и технологических трансформаций обосновывается актуальность темы через призму цифровизации, влияющей на систему защиты публичных интересов.

В работе использованы общенаучные методы познания: анализ, синтез, системный подход, а также специальные юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правовой герменевтики, анализ судебной практики. Исследование базируется на анализе действующего законодательства, правоприменительной практики и научных работ по теме публичных интересов, а также используется самостоятельный исследовательский подход, как автоэтнография.

В статье обосновывается тезис о том, что публичный интерес не тождественен государственному интересу, а представляет собой сложный синтез общесоциальных

потребностей в безопасности, справедливости, стабильности и устойчивом развитии. Выявлены и проанализированы ключевые проблемы обеспечения и защиты публичных интересов: коллизия с частными интересами и отсутствие четких критериев их балансировки; декларативность и низкая эффективность многих процессуальных механизмов защиты; противоречивая судебная практика. Особое внимание уделено современным вызовам: необходимости защиты публичных интересов в условиях цифровой трансформации (кибербезопасность, цифровой суверенитет, данные как публичный ресурс) и в периоды кризисов, требующих оперативных ограничительных мер.

Сделан вывод о необходимости конвергенции теоретических разработок и правоприменительной практики. Для повышения эффективности обеспечения и защиты публичных интересов предложен комплекс мер: закрепление в федеральном законе базового определения и критериев публичного интереса; развитие специализированных процессуальных механизмов его защиты (включая расширение права на обращение в суд для уполномоченных НКО); формирование последовательной судебной доктрины через обобщение практики высших судов; учет новых рисков в правовом регулировании цифровой среды, включая развитие цифровых платформ обратной связи и инструментов общественного контроля с понятными интерфейсом и правилами.

Исследование вносит вклад в развитие теории публичных интересов и предлагает новые подходы к их защите в условиях цифровой трансформации общества.

Abstract

The category of public interest occupies a central place in the legal system, serving as an ideological and normative justification for limiting private autonomy, state activity, and the functioning of public institutions. The relevance of the study is due to the lack of a legislative definition of public interest, its ambiguity in doctrine and judicial practice, which generates legal uncertainty and the risk of arbitrary application of this category in law-making and law enforcement. In the context of modern socio-economic and technological

transformations the relevance of the topic is justified through the prism of digitalization affecting the public interest protection system.

The research employs general scientific methods of cognition: analysis, synthesis, and systematic approach, as well as special legal methods: formal-legal, comparative-legal, the method of legal hermeneutics, and analysis of judicial practice. The study is based on the analysis of current legislation, law enforcement practice, and scientific works on public interests, it also uses an independent research approach, such as autoethnography.

The article substantiates the thesis that public interest is not identical to state interest, but represents a complex synthesis of societal needs for security, justice, stability, and sustainable development. Key problems in safeguarding and protecting public interests are identified and analyzed: collision with private interests and the lack of clear criteria for their balancing; declarative nature and low effectiveness of many procedural protection mechanisms; contradictory judicial practice. Special attention is paid to modern challenges: the need to protect public interests in the context of digital transformation (cybersecurity, digital sovereignty, data as a public resource) and during periods of crises requiring prompt restrictive measures.

The conclusion is drawn about the need for convergence of theoretical developments and law enforcement practice. To improve the effectiveness of safeguarding and protecting public interests, a set of measures is proposed: enshrining a basic definition and criteria of public interest in federal law; developing specialized procedural mechanisms for its protection (including expanding the right to apply to court for authorized NGOs); forming a consistent judicial doctrine through the generalization of practice by higher courts; accounting for new risks in the legal regulation of the digital environment, including the development of digital feedback platforms and public control tools with a clear interface and rules.

The study contributes to the development of public interest theory and offers new approaches to their protection in the context of digital society transformation.

Ключевые слова: публичный интерес, обеспечение интересов, защита интересов, правовая система, баланс интересов, конституционные ограничения, судебная практика, цифровая трансформация.

Keywords: public interest, safeguarding of interests, protection of interests, legal system, balancing of interests, constitutional limitations, judicial practice, digital transformation.

Категория публичного интереса является одной из тех фундаментальных правовых конструкций, которые, оставаясь на периферии непосредственного нормативного регулирования, тем не менее определяют логику, содержание и границы действия права в целом. Она выступает концептуальным мостом между философией права, теорией государства и отраслевыми юридическими дисциплинами, обосновывая саму возможность и пределы вмешательства публичной власти в сферу частной жизни и экономической деятельности. В контексте российской правовой системы, провозгласившей построение правового государства с высшей ценностью прав и свобод человека, проблема обеспечения и защиты публичных интересов приобретает особую остроту и диалектическую сложность. С одной стороны, государство обязано создавать условия для реализации частных интересов, что является важнейшей публичной задачей. С другой стороны, оно вынуждено ограничивать эти частные интересы во имя других, не менее значимых публичных благ - безопасности, здоровья, нравственности, прав других лиц. Это изначальное противоречие заложено в ткань конституционного текста (ст. 2 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) и воспроизводится в бесчисленных коллизиях правоприменительной практики [1].

Актуальность настоящего исследования обусловлена целым рядом взаимосвязанных факторов. Во-первых, в отечественном законодательстве до сих пор отсутствует легальное определение публичного интереса. Это создает ситуацию концептуального вакуума, который правоприменитель (прежде всего суды) вынужден заполнять собственными, зачастую интуитивными и противоречивыми представлениями. Во-вторых, наблюдается отчетливый разрыв между теоретическими разработками в области философии и теории права, где публичный

интерес изучается как метакатегория, и практическими нуждами отраслевых наук, требующих конкретных, операциональных критериев для его идентификации и защиты. В-третьих, динамично меняющаяся социальная реальность, процессы цифровой трансформации, новые глобальные вызовы (от пандемий до киберугроз) ставят перед правовой системой задачи по защите публичных интересов, для которых традиционные правовые механизмы могут оказаться неадекватными [6].

Цель данной статьи заключается в проведении комплексного межотраслевого анализа проблем обеспечения и защиты публичных интересов в современной России, выявлении ключевых противоречий между теорией и практикой и формулировании научно обоснованных предложений по достижению их конвергенции. Для реализации этой цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать эволюцию и основные подходы к пониманию публичного интереса в российской правовой доктрине; исследовать его конституционные основы и механизмы ограничения прав в публичных целях; выявить специфику обеспечения и защиты публичных интересов в ключевых отраслях права (административном, гражданском, уголовном); оценить современные вызовы и адекватность правовых инструментов; сформулировать конкретные рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики; оценить информационную открытость государства как источник для управления общественными изменениями, а также важность прозрачности и простоты в отношениях между государством и гражданами.

Проблема публичного интереса имеет глубокие корни в истории политико-правовой мысли, восходя к трудам Аристотеля, Гоббса, Руссо, Гегеля. В дореволюционной российской юриспруденции вопросы соотношения общественного и частного блага разрабатывались в трудах Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, Н.М. Коркунова. В советский период понятие публичного интереса было практически поглощено категорией государственного интереса, отождествляемого с интересом трудящихся масс.

Современный этап научного осмысления публичного интереса в России характеризуется междисциплинарным подходом и возрастающим вниманием к данной проблеме [3]. Значительный вклад в развитие общей теории публичного

интереса внесли фундаментальные работы С.С. Алексева, рассматривавшего право как компромисс различных социальных интересов, и В.С. Нерсесянца, акцентировавшего его ценностно-правовое измерение. Специальным теоретико-правовым исследованиям публичного интереса посвящены монографии и диссертации П.В. Анисимова и Ф.В. Цомартовой, в которых предприняты попытки системного анализа данной категории, выявления ее структуры и функций в правовой системе.

В рамках конституционного права проблема баланса публичных и частных интересов находится в центре внимания таких ученых, как Н.С. Бондарь, С.А. Авакьян, Г.А. Гаджиев. Их работы раскрывают конституционные механизмы ограничения прав, роль Конституционного Суда РФ в выявлении и защите публичных интересов, вопросы федерализма и местного самоуправления как форм учета интересов разных уровней публичной коллективности.

В административно-правовой науке публичный интерес традиционно рассматривается как основа деятельности исполнительной власти и административного принуждения. Классические труды Ю.Н. Старилова и Д.Н. Бахраха заложили основы понимания публичного управления как деятельности, направленной на реализацию общезначимых задач. Более современные исследования, например, работы Г.Д. Агамова и А.И. Зайцева, сосредоточены на процессуальных аспектах защиты публичных интересов в административном судопроизводстве.

В цивилистике проблема публичного интереса исследуется в контексте ограничений принципа диспозитивности. В трудах В.П. Мозолина, Е.А. Суханова, В.Г. Голубцова анализируются такие институты, как недействительность сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, публичный договор, ограничения оборотоспособности. Особый интерес представляют работы, посвященные защите публичных интересов в корпоративном и предпринимательском праве (В.С. Белых, П.В. Крашенинников).

Несмотря на обширный научный задел, в литературе сохраняется ряд лакун. Во-первых, преобладают либо сугубо теоретические, философские исследования, либо

узкоотраслевые работы. Комплексных межотраслевых исследований, прослеживающих единую логику обеспечения и защиты публичного интереса через призму различных отраслей права, явно недостаточно. Во-вторых, слабо изучены новые формы проявления публичного интереса в цифровую эпоху. В-третьих, многие работы носят описательный характер, тогда как не хватает исследований, предлагающих конкретные, детализированные механизмы повышения эффективности защиты публичных интересов, в том числе через совершенствование процессуального законодательства. Настоящая статья призвана внести вклад в восполнение этих пробелов [8].

Методологическая основа исследования сформирована с учетом его межотраслевого характера и комплексности поставленных задач. Ведущую роль играет системный подход, позволяющий рассматривать публичный интерес не как изолированную категорию, а как элемент сложной, динамичной правовой системы, взаимодействующий с другими ее компонентами – нормами, институтами, правосознанием, практикой.

Формально-юридический метод применялся для детального анализа норм Конституции РФ, федерального законодательства (Гражданского кодекса, Кодекса административного судопроизводства, Уголовного кодекса и др.), выявления прямых и косвенных ссылок на публичный интерес, определения законодательных пробелов и противоречий. Сравнительно-правовой метод использовался в двух аспектах: для сопоставления подходов к пониманию публичного интереса в различных отраслях российского права, а также для анализа эволюции данного понятия в отечественной правовой доктрине на разных исторических этапах.

Метод правовой герменевтики, или юридического толкования, оказался незаменим при работе с судебными актами, в которых суды, не имея четкой законодательной дефиниции, вынуждены самостоятельно интерпретировать содержание публичного интереса в каждом конкретном деле. Это позволило выявить неявные, имплицитные критерии и аргументы, используемые правоприменителями [4].

Ключевым явился метод анализа судебной практики. Были изучены постановления Конституционного Суда РФ, в которых формулируются принципиальные подходы к ограничению прав в публичных целях, обзоры судебной практики Верховного Суда РФ по гражданским, административным и уголовным делам, а также значительное число опубликованных решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов по категориям дел, напрямую затрагивающим публичные интересы (экологические споры, дела об оспаривании нормативных актов, споры в сфере градостроительства и землепользования) [2]. Это позволило перейти от абстрактно-теоретических рассуждений к анализу реальных проблем, с которыми сталкиваются суды и другие правоприменители.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что основной проблемой в сфере обеспечения и защиты публичных интересов является глубокая диспропорция между масштабностью и значимостью данной категории в теории права и ее расплывчатостью, декларативностью в позитивном праве и правоприменении. Публичный интерес выступает в роли «блуждающего понятия», которое привлекается для обоснования самых разных, порой взаимоисключающих решений, но крайне редко становится предметом самостоятельного, доказательного установления в рамках конкретного юридического процесса.

Первым и фундаментальным вопросом является вопрос о содержании публичного интереса. Анализ доктрины и судебной практики выявил три основных, конкурирующих подхода. Первый подход отождествляет публичный интерес с интересом государства, воплощенным в решениях его уполномоченных органов. Такой подход, унаследованный от советской правовой традиции, является наиболее распространенным в практике органов исполнительной власти и, к сожалению, нередко воспроизводится судами. Его главный недостаток - редуционизм и риски оправдания любого административного усмотрения ссылкой на «высшие государственные цели». Второй подход пытается противопоставить государственный и общественный интерес, рассматривая последний как интерес гражданского общества, зачастую противостоящий бюрократическому аппарату [7]. Однако и эта дихотомия является упрощением, так как государство в демократическом обществе

призвано быть инструментом реализации общественных интересов. Третий, наиболее плодотворный с научной точки зрения подход, рассматривает публичный интерес как сложный, синтетический интерес социума в самосохранении, устойчивом развитии и реализации общезначимых ценностей (безопасность, справедливость, здоровье, экологическое благополучие). Этот интерес не сводится ни к сумме частных интересов, ни к воле государства, а формируется в процессе публичной дискуссии, находит выражение в конституционных нормах и законах и обеспечивается всем комплексом государственно-правовых институтов. Именно этот подход должен быть положен в основу дальнейшего развития законодательства и правоприменительной практики [7].

Второй ключевой проблемой является проблема баланса публичных и частных интересов. Конституционный механизм ограничения прав (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) задает общие рамки, но не предоставляет конкретных критериев соразмерности [2]. На практике это приводит к тому, что суды и иные правоприменители зачастую ограничиваются констатацией наличия законной цели ограничения, не углубляясь в анализ того, насколько избранная мера необходима и минимально обременительна для достижения этой цели. Например, в спорах об изъятии земельных участков для государственных нужд суды часто принимают сторону администрации, если формально соблюдена процедура и заявлена публичная цель (строительство дороги, объекта инфраструктуры), не проводя тщательной проверки альтернативных вариантов и реальной общественной необходимости именно такого изъятия. В уголовном процессе публичный интерес в изобличении преступника порой доминирует над интересом в защите прав личности, что проявляется в практике затягивания сроков расследования, ограничения доступа защитника, формального отношения к ходатайствам стороны защиты.

Третья проблема связана с фрагментарностью и низкой эффективностью механизмов защиты публичных интересов. В гражданском процессе классический состязательный процесс, ориентированный на защиту субъективного права конкретного истца, плохо приспособлен для защиты интересов неопределенного круга лиц или будущих поколений (как в экологических спорах). Институт исков в

защиту публичных интересов, предъявляемых прокурором или уполномоченными органами, носит эпизодический характер и зависит от усмотрения этих органов. В административном судопроизводстве, несмотря на прогрессивные нормы КАС РФ, сохраняются барьеры для граждан и организаций в части доказывания, а исполнение решений против государственных органов остается хронически проблемным. Отсутствие эффективных механизмов групповых исков в российском процессуальном праве существенно сужает возможности гражданского общества в отстаивании публичных интересов [7].

Особую тревогу вызывают новые вызовы, для которых традиционные правовые конструкции могут оказаться неадекватными. Цифровая трансформация породила новые объекты публичных интересов: кибербезопасность национальной инфраструктуры, цифровой суверенитет, защита персональных данных как элемента приватности, которая сама является публичным благом. Большие данные (big data) становятся стратегическим ресурсом, контроль над которым имеет явное публичное измерение. Однако правовое регулирование в этой сфере отстает от технологического развития, носит реактивный и часто непоследовательный характер. Аналогичные проблемы возникают в периоды острых кризисов, таких как пандемия, когда необходимость оперативного реагирования в публичных интересах (охрана здоровья) вступает в конфликт с требованиями правовой определенности, публичности и обоснованности принимаемых чрезвычайных мер. Суды в таких ситуациях часто демонстрируют «судебный активизм» или, наоборот, излишнюю сдержанность, избегая оценки соразмерности самых жестких ограничений.

Уровень информационной открытости власти выступает одним из наиболее общих показателей уровня развития страны. Основываясь на оценке того, как в обществе юридически закрепляется и реализуется право граждан на информацию о решениях и действиях органов власти, можно судить о степени его демократичности. Информационная открытость власти позволяет гражданам и организациям получать адекватное представление и формировать суждение о состоянии общества и государственного управления [9].

Важность прозрачности и простоты в отношениях между государством и гражданами многократно подчёркивалась на высшем уровне. Так, в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина 2010 года, отмечалось: "Надо добиться прозрачности, четкости и простоты в каждодневных отношениях государства и гражданина. Подчеркиваю: каждодневных. Понимание того, что чиновники служат народу, а не "вершат его судьбы", - основа демократического устройства. Для гражданина ведь государство - это чиновник, к которому он пришел на прием, судья, который принял решение по его делу, участковый или налоговый инспектор и любой из облеченных властью решать его проблемы, все присутствующие в этом зале. Деятельность всех должностных лиц не должна дискредитировать государство. Их главная задача - улучшать условия жизни людей."

Таким образом, уровень информационной открытости власти и степень прозрачности во взаимоотношениях между государством и гражданами имеют прямое влияние на защиту и продвижение публичных интересов. Прозрачность позволяет обществу получать своевременную, подробную и достоверную информацию о деятельности государственных органов, что является основой для формирования доверия, предотвращения коррупции, обеспечения подотчётности власти, расширения участия граждан в управлении государственными делами, а также повышения эффективности принимаемых решений и их общественной легитимности.

Во-первых, это цифровые платформы и интернет-сервисы (порталы госуслуг, сайты государственных ведомств, открытые базы данных и т.п.) позволяют гражданам быстро и удобно получать информацию о работе органов власти, инициативах, тратах бюджета и принимаемых решениях, а также участвовать в обсуждениях, общественных слушаниях, электронных петициях. Это открывает новые возможности для граждан контролировать действия власти и вносить предложения по улучшению работы государственных структур.

Во-вторых, социальные сети служат эффективным инструментом обратной связи, где представители власти могут напрямую взаимодействовать с гражданами,

отвечать на вопросы и быстро реагировать на общественно-значимые проблемы. При надлежащем подходе социальные медиаплатформы способствуют построению открытого диалога, оперативному выявлению «болезненных точек» и большей прозрачности в представлении информации.

В-третьих, система общественных советов при органах власти, а также иные формы гражданского участия позволяют структурировано и регулярно вовлекать представителей общества - экспертов, активистов, гражданские объединения в процесс подготовки и обсуждения решений. Такие советы обеспечивают дополнительную прозрачность проводимой политики, мониторинг соблюдения публичных интересов и дают возможность учитывать мнение различных слоёв населения.

На практике зачастую складывается впечатление, что меры, предпринимаемые государством для организации открытого диалога с гражданами посредством социальных сетей, цифровых платформ и системы общественных советов, направлены преимущественно на снятие социальной напряженности, а не на реальное взаимодействие с населением. Несмотря на декларируемую открытость, в реальной жизни взаимодействие зачастую носит односторонний характер, когда власть создает иллюзию участия гражданского общества в принятии решений, не стремясь к подлинному учёту мнений и интересов общества.

Используя независимый исследовательский метод, такой как автоэтнография, и анализируя собранный опыт по мониторингу социальных сетей, можно отметить, что наиболее остро проявляется проблема блокировки и фильтрации неудобных мнений. Власти активно применяют современные технологии, включая боты (алгоритмы), так и системы на основе искусственного интеллекта (ИИ), для выявления и отсекаания критических комментариев, ограничивая тем самым возможности для открытого и равноправного обмена мнениями. Эти алгоритмы могут создавать видимость участия реальных пользователей, направляя дискуссию в заданное русло и формируя ложное впечатление о популярности определенных идей. В результате складывается благополучная, но зачастую искусственная картина, в

которой эффективность государственных органов демонстрируется за счёт создания видимости диалога и управляемости публичных коммуникаций, тогда как реальные потребности и вопросы граждан зачастую остаются без должного внимания.

Анализ системы общественных советов при органах власти показывает, что во многих случаях эти структуры формируются из лояльных власти представителей. Часто такие советы лишены независимости и экспертности и существуют скорее для видимости общественного контроля. Они одобряют заранее подготовленные инициативы заинтересованных лиц, а подлинные критические мнения оказываются вытеснены на периферию или канализируются. Такая практика приводит к тому, что общественные советы перестают выполнять функцию реального гражданского контроля, становятся формальными и не отражают интересы широких слоёв населения.

В конечном итоге, подобная имитация открытости и прозрачности подрывает доверие граждан к институтам власти, лишает общество эффективных механизмов защиты и продвижения публичных интересов и нивелирует саму идею вовлечённости граждан в процессы государственного управления.

Таким образом, разрыв между теорией и практикой в сфере обеспечения и защиты публичных интересов проявляется на нескольких уровнях: концептуальном (неопределенность содержания), нормативном (отсутствие четких процедур и критериев), процессуальном (неэффективность механизмов защиты) и аксиологическом (сложность оценки в условиях новых ценностей, смыслов и угроз).

Обеспечение и защита публичных интересов - это не технико-юридическая задача, а стержневая миссия права и государства в современном обществе. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современное состояние этого института в российской правовой системе характеризуется значительным разрывом между его теоретическим потенциалом и практической реализацией. Публичный интерес остается во многом «спящей» категорией, которая пробуждается эпизодически, чаще как риторический аргумент, чем как предмет тщательного правового анализа и доказательства.

Для преодоления этого разрыва и достижения конвергенции теории и практики необходим комплекс взаимосвязанных мер на разных уровнях правовой системы.

На законодательном уровне назрела необходимость принятия базового федерального закона или, как минимум, внесения соответствующих поправок в отраслевые кодексы, которые бы дали легальное, рабочее определение публичного интереса. Это определение должно отражать его синтетическую, надгосударственную природу и включать открытый, но структурированный перечень критериев для его идентификации (например, масштабность последствий, затрагивание основополагающих конституционных ценностей, неэффективность защиты через частно-правовые механизмы). Одновременно требуется развивать и детализировать процессуальные инструменты защиты. Крайне актуальным является введение полноценного института групповых исков в гражданский и административный процесс для защиты прав неопределенного круга лиц, а также расширение процессуальных прав общественных организаций, специализирующихся на защите определенных публичных благ (экологических, потребительских и т.д. [8]).

На уровне правоприменения ключевую роль должны сыграть высшие суды. Верховному Суду РФ целесообразно подготовить и принять специальное постановление Пленума, посвященное вопросам выявления, балансировки и судебной защиты публичных интересов. В нем следует дать толкование соответствующих норм, сформулировать рекомендации по оценке соразмерности ограничений, разъяснить особенности доказывания по таким делам. Конституционный Суд РФ может и далее развивать свою доктрину в области ограничения прав, уделяя больше внимания не только формальной проверке цели, но и анализу адекватности и необходимости избранных средств.

В современных условиях цифровой среды для формирования каналов коммуникации между государством и обществом требуется системный подход и внедрение последовательных мер, направленных на превращение цифровой среды в подлинное пространство диалога и учёта общественных интересов. В частности, принцип открытости должен реализовываться не только через широкую информированность граждан, но и посредством обеспеченных законодательством

возможностей для выражения конструктивной критики. Особое внимание также следует уделять совершенствованию процедур модерации, которые защищают пользователей сети Интернет только от реально опасного контента (например, экстремизма, фейков, нарушающих закон), но не ограничивают конструктивную критику и выражение мнений. Необходимо разрабатывать и внедрять независимые механизмы обжалования блокировок аккаунтов, удаления сообщений и комментариев, особенно если они содержат обоснованные и взвешенные замечания по существу. Важным направлением является организация мониторинга цифровых платформ со стороны независимых институтов и гражданских организаций для оценки качества коммуникации, выявления случаев скрытой или избирательной цензуры, а также анализа характера обратной связи с пользователями. При этом качество обратной связи следует рассматривать не с позиции формального реагирования, так называемых "отписок", а в контексте полноты, глубины и реальной готовности власти к диалогу. Для повышения эффективности участия граждан необходимо реализовывать программы цифровой грамотности.

При формировании общественных советов, экспертных групп и организации общественных обсуждений - привлекать независимых специалистов и представителей настоящего гражданского общества, исключая преимущественное участие лишь лиц и групп, которые лояльны к власти. Особое внимание следует уделять тому, чтобы в этих процессах участвовали именно независимые граждане и реальные общественные активисты, не имеющие личных интересов и не заинтересованные в получении выгод от государственных структур.

Наконец, в научно-экспертном сообществе необходимо стимулировать междисциплинарные исследования на стыке теории права, отраслевых юридических наук и политологии, а также социологии, психологии, коммуникационных исследований, посвященные как традиционным, так и новейшим аспектам публичного интереса, особенно в цифровой сфере. Только через тесное взаимодействие гражданского общества, законодателя, правоприменителя и ученых-юристов можно построить эффективную, сбалансированную и отвечающую

современным вызовам систему обеспечения и защиты публичных интересов, которая является неотъемлемым условием устойчивого развития и социальной стабильности правового государства.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. Москва: Статут, 2018. 712 с.
3. Анисимов П.В. Публичные интересы в правовой системе России: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 498 с.
4. Бахрах Д.Н. Публичные интересы и административное право // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 85-96.
5. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. Москва: Норма, 2019. 544 с.
6. Гаджиев Г.А. Публичный интерес как конституционно-правовая категория // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 13-29.
7. Цомартова Ф.В. Публичный интерес как правовая категория. Москва: Юрлитинформ, 2018. 176 с.
8. Craig P. Administrative Law. 8th ed. London: Sweet & Maxwell, 2016. 789 p.
9. Открытость в условиях пандемии COVID-19 // Дайджест подготовлен Департаментом международного и регионального сотрудничества СП РФ. 2020. С. 7